

ГОДЪ ВЪ ВЕНГРИИ.

Очерки и замѣтки.

(Продолженіе)¹⁾.

Дебреценъ—большой, но пыльный и несимпатичный по внѣшности городъ. Самое оживленное и центральное мѣсто—«Піаць утца»²⁾, на которой можно видѣть десятокъ высокихъ, современной архитектуры, домовъ, торчащихъ среди прочихъ мелкихъ построекъ, два-три приличныхъ кафе, да нѣсколько не особенно авантажныхъ магазиновъ. На одномъ концѣ «Піаць утца» возвышается довольно большое зданіе реформатской церкви, которая и снаружи, и внутри отдѣлана чрезвычайно просто. Во многихъ описаніяхъ освободительной войны 1848—49 гг. имѣется указаніе на то, что Кошуть съ подъѣзда этой церкви провозгласилъ сверженіе Габсбургской династіи съ престола венгерскихъ королей и объявилъ Венгрію республикой

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

²⁾ Утца—улица.

Около церкви большія старинныя зданія реформатскаго коллегіума и епископскій домъ. Тутъ же въ небольшомъ скверѣ памятникъ Семиградскому князю Стефану Бочкаю—одному изъ ревностныхъ защитниковъ венгерскаго націонализма и приверженцу реформатской церкви.

Недалеко отъ сквера стоитъ памятникъ мадыарскому народному поэту Чоконаи Витэзъ Михалу, жившему въ концѣ XVIII столѣтія.

На «Хатванъ» улицѣ я забрелъ въ городской музей, помѣщающійся въ довольно тѣсномъ, невзрачномъ и грязно содержимомъ домѣ № 23. Коллекціи различной домашней утвари, посуды, монетъ, банковыхъ билетовъ, кое-какихъ документовъ и оружія; нѣсколько неважныхъ картинъ, портреты и фотографіи; 2 манекена мадыарскаго табуннаго пастуха (чикоша) и гонведа 48 г., модель мадыарской степной усадьбы и еще кое какія мелочи—вотъ содержимое этого музея. Всѣ эти рѣдкости, размѣщенные на пространствѣ 100—120 кв. аршинъ въ трехъ тѣсныхъ комнатахъ, охраняются тремя стариками-ветеранами, участниками освободительной войны.

Посѣтителей въ музей было человекъ 7—8 и, какъ я замѣтилъ, они больше глазѣли на ветерановъ, чѣмъ на выставленные сокровища.

Не менѣ замѣчательна и улица, на которой помѣщается этотъ музей. Обитатели ея большей частью евреи; со всѣхъ дворовъ несетя такое чесночно-кислое амбре, что хоть носъ затыкай. Вотъ такъ «истинно-мадыарскій городъ»!

Въ Дебреценѣ только и есть «Піаць-утца», на которой видны и оживленіе, и магазины, и приличные большому городу дома; всѣ же остальные улицы со своими маленькими невзрачными домиками и отвратительными мостовыми не представляютъ ничего особеннаго.

Единственное мѣсто, гдѣ обыватели Дебрецена могутъ подышать чистымъ воздухомъ и погулять въ тѣни большихъ, вѣтвистыхъ деревьевъ, это — «Большой лѣсъ» (Надъ эрдэ). Въ лѣсъ этотъ можно попасть отъ вокзала или съ «Піаць-утцы» на трамваѣ въ 20—25 минутъ.

Я раньше еще часто слышалъ, что въ Дебреценѣ вездѣ и всюду господствуетъ мадыарскій языкъ, что, если кто либо заговоритъ по нѣмецки, то это считается чуть ли не оскорбленіемъ. А, между тѣмъ, въ дѣйствительности, почти во всѣхъ кафе имѣются нѣмецкія газеты, кельнеры почти что свободно говорятъ по нѣмецки;

бонны, гуляющія съ дѣтьми въ «Большомъ лѣсу», практикуютъ ихъ довольно открыто въ нарѣчїи тевтоновъ.

Въ общемъ Дебреценъ — несимпатичный городъ. Не стоитъ здѣсь и ночевать! Оберъ-кельнеръ гостиницы, въ которой я остановился, пробуетъ соблазнить меня поѣздкой въ «знаменитую» Хортобадьи пусты. А знаменита она тѣмъ, что на ней свободно па-сутся огромные табуны лошадей, рогатаго скота и овецъ. Десятки тысячъ! И все это составляетъ собственность Дебреценскаго городскаго управления.

Соблазнъ не удался и я снова въ поѣздѣ мчусь на сѣверъ Венгріи. Кругомъ — однообразная равнина. Только, подъѣзжая къ рѣкѣ Тиссѣ, мѣстами попадаются рѣдкія рощицы, да вдали на сѣверѣ еле виднѣются силуэты горной цѣпи «Бескиды».

Но вотъ вблизи показалась одинокая гора. Это — знаменитая Токайская гора — родина токайскихъ винъ. У подножья горы маленькій городокъ — Токай. Переѣзжаемъ широкую долину Тиссы по пяти или шести мостамъ и постепенно огибаемъ почти всю юго-восточную часть горы, склоны которой покрыты виноградниками. Кое-гдѣ виднѣются погреба, врытыя въ гору.

Какъ говорятъ, теперь винодѣліе здѣсь постепенно падаетъ, и многіе владѣльцы виноградниковъ тщетно стараются поддержать славную старую репутацію токайскихъ винъ въ борьбѣ съ филлоксерой и еще какими то побочными экономическими неурядицами.

Прибывъ поздно вечеромъ въ Мишкольць, я пересѣлъ на поѣздъ, идущій въ Кашау (по мадьярски — Каша), и рано утромъ попалъ къ мѣсту назначенія.

Кашау — крупный центръ Сѣверной Венгріи. Городъ этотъ не такъ ужъ красивъ, какъ его описываютъ и изображаютъ. Городъ, правда большой, но привлекающихъ вниманіе зданій въ немъ маловато, да и благоустройствомъ онъ похвалиться не можетъ. Есть тутъ на «Главной» улицѣ дѣйствительно красивый по архитектурѣ старинный соборъ въ строго-готическомъ стилѣ; прехорошенькое бѣлое зданіе городского театра, окруженнаго густой зеленью; зданіе штаба корпуса, да музей Ракоци, въ которомъ имѣется большая бібліотека и хранятся всякаго рода древности. Эти зданія только и можно назвать выдающимися. На «Главной» улицѣ около собора стоитъ старая и довольно невзрачная башня «Урбана»; тутъ же невдалекѣ старый домъ съ церковью, бывшей когда то помещеніемъ іезуитовъ, да два шикарныхъ кафе.

Въ Кашау есть «Сэпши утца», т.-е. въ переводѣ на русскій языкъ, это будетъ — «Красивая улица». По ширинѣ она, пожалуй, перещеголяетъ Невскій проспектъ, но замощена на ней только узенькая средняя полоска, а широкіе боковые проѣзды покрыты пылью и мусоромъ. Домишки, украшающіе эту улицу, невзрачны на видѣ.

По внѣшнему виду городъ какъ будто бы и мадьярскій: вывѣски и надписи почти всё мадьярскія; газетчики усиленно выкрикиваютъ названія мадьярскихъ газетъ и даже евреи со своимъ специфическимъ акцентомъ стараются возможно чище произносить мадьярскія слова.

Но прислушайтесь къ разговору на улицахъ, въ магазинахъ и въ общественныхъ мѣстахъ и вы услышите, что здѣсь гораздо больше говорятъ по словацки и по нѣмецки, чѣмъ по мадьярски.

Съ легкимъ сердцемъ оставляю Кашау и ѣду по одной изъ красивѣйшихъ желѣзно-дорожныхъ линій Венгріи—по Кашау-Одербургской желѣзной дорогѣ, принадлежащей частному обществу. То съ одной, то съ другой стороны открываются виды, одинъ лучше другого.

До города Попрадъ путь идетъ почти все время долиной рѣки Гернадъ. Особенно красивъ участокъ этого пути между Кашау и ст. Маргитфальва. Поѣздъ мчится по высокимъ обрывистымъ берегамъ долины надъ шумящей рѣкой, то скрываясь въ густой чащѣ лѣсовъ, то ныряя въ темные туннели, то пролетая надъ рѣкой по высокимъ мостамъ.

Отъ Попрада открывается великолѣпный видъ на группу горъ Татра. Кто видѣлъ Альпы или Кавказъ, тому, конечно, эти горы, самый высокій шпигъ которыхъ, носящій имя Франца-Иосифа, едва достигаетъ высоты 2.660 фут., не представляютъ ничего особеннаго. Но отлично устроенные въ горахъ курорты Татра-Ломницъ, Татра-Фюредъ и Чорба, несмотря на сравнительную дороговизну, привлекаютъ не только жителей Австро-Венгріи, но сюда въ большомъ числѣ заглядываютъ туристы и больные изъ заграницы.

Надо отдать должную справедливость, что всё эти курорты содержатся очень хорошо, соединены между собой электрической дорогой и удобными пѣшеходными аллеями, изобилуютъ прекрасными и разнообразными горными видами и представляютъ туристамъ великолѣпное мѣсто для всевозможныхъ горныхъ экскурсій.

Вообще здѣсь есть гдѣ погулять и что посмотреть.

Въ фешенебельный курортъ Татра-Ломницъ не только прїѣзжаютъ спасаться отъ лѣтней жары, но и зимой здѣсь бываетъ много посѣтителей, занимающихся зимнимъ спортомъ.

Путешественнику, не имѣющему въ распоряженіи много времени и денегъ, но желающему осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Татры, слѣдуетъ остановиться въ Попрадѣ—маленькомъ городкѣ, гдѣ, между прочимъ, есть интересный для туристовъ музей Karpaten-Vergein'a. Изъ Попрада можно въ 4—5 дней совершить нѣсколько экскурсій въ Татру-Ломницъ, Татру-Фюредъ, Чорбу, Добчинскія ледяныя пещеры и пр., пользуясь желѣзной дорогой, трамваемъ, экипажемъ и своими собственными ногами. Съ путеводителемъ и хорошей картой въ рукахъ всѣ эти экскурсіи можно совершить очень легко.

Лично я самъ съ удовольствіемъ бродилъ и по берегамъ тихой Чорбы, и въ густыхъ лѣсахъ, окружающихъ Татру-Ломницъ, и по суровой, но величественно-прекрасной долинкѣ низвергающагося водопадами и каскадами Kohlbach'a, и у склоновъ Шлагендорферъ-шпица, любуясь природой, наслаждаясь дивнымъ ароматомъ чистаго горнаго воздуха, напоеннаго хвоей. Послѣ такихъ прогулокъ я съ утроеннымъ аппетитомъ возвращался въ Попрадъ на ночлегъ.

Послѣ экскурсій по Татрѣ, я двинулся далѣе по Башау-Одербергской жел. дор. и наслаждался дивными горными видами, проѣзжая въ долинкѣ рѣки Ваагъ, усѣянной остатками старыхъ замковъ. Не малыхъ трудовъ стоила здѣсь постройка желѣзной дороги, но частное акціонерное общество, взявшееся за это дѣло, сторицей вознаградило свои затраты, проложивъ трудный, но весьма прибыльный путь, проходящій чрезъ оживленные курорты, горнопромышленные раіоны и цвѣтушіе населенные пункты.

Хотя я ѣду по Сѣверной Венгріи, но венгерскаго духа здѣсь какъ будто бы и маловато; развѣ только надписи на станціяхъ напоминаютъ Венгрію. Въ вагонахъ 1-го и 2-го классовъ слышна, большей частью, нѣмецкая рѣчь, а въ 3-мъ классѣ почти всѣ пассажиры говорятъ по словацки. Надѣ кстати сказать, что населеніе здѣшнихъ деревень въ подавляющемъ большинствѣ составляютъ словаки. Нѣмцы же, евреи и мадьяры живутъ въ городахъ, у большихъ заводовъ и у курортовъ.

На станціи Жолна (нѣмцы называютъ ее Sillein) мнѣ пришлось ждать около двухъ часовъ поѣзда, идущаго на Пресбургъ. Отъ нечего дѣлать пошелъ осматривать маленькій городокъ, Жолну, рас-

кинувшійся въ красивой гористой мѣстности, на берегу рѣки Ваагъ. Жолна скорѣе словацко-нѣмецкій городокъ, чѣмъ мадьярскій, несмотря на большое число мадьярскихъ вывѣсокъ. Но на недавно выстроенныхъ домахъ уже видно много вывѣсокъ съ тройными нѣмецко-мадьярско-словацкими надписями, какъ напримѣръ: «Apotheker-Gyógyszertár — Лекарня», «Zsolnai Bank-fiók — Isolnauer Bank-filial — Банка филиалка въ Жолнѣ».

Въ Жолнѣ масса евреевъ, большія суконныя фабрики, выдѣлывающія сукна для австро-венгерской арміи, и довольно значительный кадръ мадьярскихъ учителей, старающихся изо всѣхъ силъ омадьярить подрастающую здѣсь словацко-нѣмецко-еврейскую молодежь и сдѣлать сей городъ, утратившій совершенно мадьярскій обликъ, опять венгерскимъ.

Подобные опыты производятся вездѣ, гдѣ славянское или нѣмецкое населеніе преобладаетъ надъ мадьярскимъ. Не могу положительно сказать, насколько продуктивны сіи попытки омадьяриванія. Молодежь Жолны почти вся довольно бойко болтаетъ по мадьярски; насколько же привить ей внутренній духъ мадьяризма, этого узнать мнѣ не удалось, но склоненъ думать, что очень мало...

Рано утромъ я былъ уже въ Пресбургѣ. Пресбургъ — это нѣмецкое названіе, мадьяры же называютъ его Пожонъ (Pozsony). Большой и довольно оживленный городъ, расположенный на лѣвомъ берегу широкаго Дуная. Когда то Пожонъ (одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ) игралъ роль столицы Венгріи. Болѣе сорока лѣтъ здѣсь дѣйствовалъ венгерскій парламентъ. Въ соборѣ св. Мартина короновались венгерскіе короли. Послѣ венгерской освободительной войны 1848—49 гг., Пожонъ уступилъ первенство Будапешту и былъ одно время близокъ къ упадку, но за послѣднее время сталъ быстро прогрессировать.

Особенно красивымъ Пожонъ нельзя назвать. Онъ, правда, сравнительно чистый городъ съ прекрасно вымощенными улицами и недурной центральной частью — «Площадью Кошута», на которой находятся театръ, скверъ, памятникъ поэту Пэтэфи и 5-6 лучшихъ въ городѣ кафе и отелей.

Постройки здѣсь хотя и встрѣчаются въ стилѣ «модернъ», но ихъ сравнительно немного, а остальные дома, большей частью, довольно стараго типа. Изъ улицъ, по внѣшнему виду, самая симпатичная «Стефанія утца», идущая отъ главнаго вокзала къ центру города.

Въ Пресбургѣ есть двѣ синагоги: старая и новая, расположенныя приблизительно на разстояніи одного километра одна отъ другой. Всѣ улицы и переулки, находящіяся въ «сферѣ вліянія» синагогъ, биткомъ набиты евреями и весь этотъ районъ представляетъ собой нѣчто похожее на Варшавскіе Налевки, по грязи, скученности населенія и чесночному запаху.

Бывшая столица Венгріи теперь наполовину населена нѣмцами (причемъ въ этомъ числѣ не менѣе 30—40% евреевъ); одну шестую всего населенія составляютъ словаки и одну треть—мадьяры.

На господствующей надъ городомъ большой горѣ возвышаются хорошо сохранившіяся стѣны стараго королевскаго замка. Отъ замка этого открывается чудный видъ на городъ, теченіе Дуная и на окружающія Пожонь окрестности. Но что дѣйствительно хорошо здѣсь, это — городской паркъ, расположенный на правомъ берегу Дуная. Въ паркъ этотъ можно попасть двумя путями: или отъ памятника Маріи Терезіи на пароходикѣ за 8 хэллеровъ или по мосту Франца-Іосифа.

Тѣнистый паркъ съ прекрасными аллеями, фонтанами, большими цвѣточными клумбами и массой скамеекъ, на которыхъ сидѣть можно бесплатно, что въ Венгріи является большой рѣдкостью. Большой ресторанъ по вечерамъ услаждаетъ слухъ посѣтителей звуками цыганскаго оркестра. Мѣстные жители, сидя въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, передъ широкими водами Дуная, наслаждаются хорoшимъ воздухомъ и музыкой «за недорогую плату».

Есть еще хорошее мѣсто для прогулокъ въ окрестностяхъ Пожони—горный паркъ, попасть въ который можно или по образу пѣшаго хожденія, или на извозикѣ за 2-3 кроны. Путь къ парку идетъ по склону горы, покрытой почти сплошь виноградниками.

Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ лично Пожонь не нравится. Городъ съ какой то неопредѣленной фізіономіей: не разберешь какой національности онъ принадлежитъ—не то нѣмцамъ, не то мадьярамъ, не то словакамъ, не то евреямъ. На вывѣскахъ и надписяхъ—смѣшеніе языковъ; въ разговорѣ на улицѣ—полная неразбериха. Близость Вѣны дѣлаетъ свое дѣло и, какъ мадьяры ни борются съ онѣмечиваніемъ, болѣе сильная нація замѣтно ихъ поглощаетъ и мнѣ кажется, что въ недалекомъ будущемъ древняя столица Венгріи будетъ городомъ съ ярко-выраженной вѣнско-еврейской фізіономіей.

IX. Балатонъ.

Отъ Прессбурга я направилъ свои стопы къ озеру Балатонъ. До Дьёра или, какъ нѣмцы его называютъ, до Рааба путь проходилъ по Малой Венгерской равнинѣ, а потому виды были довольно однообразные.

Послѣ Дьёра, промышленнаго города съ большими машиностроительными заводами и почти чисто-мадьярскимъ населеніемъ, путь шелъ по холмистой мѣстности (домбошь видекъ), населенной въ значительной степени мадьярами. Часто попадаются лѣса, рощи, густыя заросли кустарниковъ, болота, небольшія рѣчки, словомъ—природа напоминаетъ нашу матушку Россію.

Солнце красиво закатывалось за стоящей вдали одинокой горой, когда мы подъѣзжали къ городу Веспрему.

У насъ въ Россіи обыкновенно ругаютъ свои желѣзныя дороги и превозносятъ пунктуальность и благоустройство заграничныхъ линій. Я, напримѣръ, предполагалъ сегодня переночевать въ благоустроенномъ курортѣ, Балатонъ-Фюредѣ, но судьба сулила мнѣ иное. Когда мы прибыли въ Веспремъ съ опозданіемъ на цѣлый часъ, то оказалось, что поѣздъ къ Балатону уже ушелъ, и мнѣ предстояла невеселая перспектива съ 10 час. веч. до 9 час. утра слѣдующаго дня сидѣть на маленькой и грязенькой станціи. Но лучше ночевать въ гостиницѣ, чѣмъ мучиться на вѣнскихъ стульяхъ въ пассажирскомъ залѣ.

Лучшая гостиница Веспрема «Отель Корона» предложила мнѣ единственный свободный номеръ за 1 крону 60 хэллеровъ, въ которомъ я, за неимѣніемъ ничего лучшаго, довольно сносно провелъ ночь.

Поднявшись рано утромъ, пошелъ бродить по городу. Веспремъ—типичный маленькій уѣздный городокъ съ 15-ти-тысячнымъ населеніемъ, съ шикарными кафе и, какъ вездѣ въ Венгріи, съ синагогой. Хотя въ Веспремѣ и много мадьяръ, но достаточно здѣсь также и нѣмцевъ, и евреевъ.

На вывѣскахъ большинства магазиновъ пестрятъ имена: Леви Бэла, Гофманъ Моръ, Круссеръ Якабъ, Гольдманъ Шаму и т. п. Врядъ ли прибавленіе къ еврейско-нѣмецкой фамиліи «венгерскаго» имени заставитъ предполагать какого либо простака, что владѣлецъ вывѣски—мадьяръ.

Впрочемъ, многіе евреи уже теперь перемѣнили свои настоящія фамиліи на венгерскій ладъ. Напримѣръ, Вольфъ сталъ Фаркашъ; Гольдманъ—Аранъ; Шварцъ—Фекете и т. п., что въ переводѣ съ нѣмецкаго на венгерскій вполнѣ соотвѣтствуетъ одно другому, но звучитъ за то по-мадьярски. Нужно добавить, что мѣнять фамиліи въ Венгрии очень легко: достаточно подать заявленіе министру внутреннихъ дѣлъ—и фамилія измѣнена.

Итакъ, двинулся я дальше къ озеру Балатонъ или, какъ нѣмцы его называютъ, Платензее. Нужно, между прочимъ, сказать, что мадьяры страшно носятя съ этимъ озеромъ, очень гордятся, что это—самое большое озеро въ Западной Европѣ, а нѣкоторые изъ нихъ даже увѣряютъ, что это не озеро, а море, и приписываютъ ему какія-то необыкновенныя цѣлебныя качества.

Я какъ-то разъ, въ разговорѣ съ однимъ молодымъ мадьяромъ, позволилъ себѣ усумниться въ размѣрахъ и морскихъ качествахъ Балатона и вотъ мой собесѣдникъ былъ такъ обиженъ этимъ недоувѣріемъ, что прекратилъ даже со мной разговоръ и довольно долгое время дулся на меня.

Но вотъ я могу теперь фактически провѣрить, что изъ себя представляетъ Балатонъ на самомъ дѣлѣ.

Подъѣзжая къ станціи Альшоёршъ, поѣздъ, пройдя большую выемку, сталъ круто спускаться по склону горы и передъ моими глазами предсталъ впервые хваленый Балатонъ. Свѣтлая полоса воды, окаймленная красивой рамкой зеленыхъ горъ, на склонахъ которыхъ живописно раскинулись большіе виноградники, усадьбы, виллы, цвѣтуція селенія и заводы.

Поѣздъ идетъ теперь по самому берегу озера, болотистые берега котораго покрыты мѣстами тростникомъ, водяными зарослями и густой травой. Несмотря на довольно пасмурный день, отлично виденъ противоположный южный берегъ озера, покрытый каймой зеленого лѣса.

Размѣры этого озера не такъ ужъ громадны, какъ кажется мадьярамъ: въ длину 80 километровъ, а въ ширину отъ 2-хъ до 15-ти километровъ. Довольно смѣло, я думаю, утверждать, что Балатонъ—море. Впрочемъ, масштабы у людей бываютъ разные. Никто вѣдь не страдаетъ отъ того, что мадьяры считаютъ свой Балатонъ моремъ.

Между прочимъ, попутчикъ-пассажиръ рассказалъ мнѣ, что на Балатонѣ замѣтны явленія прилива и отлива, что бури бываютъ

весьма свирѣпыя, и что въ озерѣ водится весьма цѣнная гастрономами рыба фогашъ.

Но вотъ я прибылъ на курортъ Балатонъ-Фюредъ и, послѣ небольшого отдыха, отправился на берегъ озера. Широкая аллея длиной съ полверсты тянется у самого озера. У аллеи—длинные мостки, служащія пристанью, большая крытая купальня и десятка три лодокъ, между которыми покачиваются 5—6 парусныхъ яхтъ. Вдали виднѣется высокій мысъ, вдающійся далеко въ озеро. На мысъ возвышается громадное зданіе древняго бенедиктинскаго монастыря, основаннаго чуть ли не въ XI вѣкѣ венгерскимъ королемъ Андреемъ I (что-то про такого короля, каюсъ, я нигдѣ не слышалъ).

Аллея у озера это—здѣшнее «корсо», главное мѣсто прогулокъ курортной публики. За аллеей раскинулся довольно тѣнистый паркъ, въ которомъ расположены курзалъ, источники, ресторанъ, кафе, отели и цѣлый рядъ магазинчиковъ съ открытками, разными сувенирами и бездѣлушками.

Среди курортной публики много дамъ, пріѣхавшихъ сюда частью для исцѣленія, частью отъ нечего дѣлать.

Въ общемъ курортъ самый обыкновенный, рассчитанный на вкусъ средняго обывателя. Среди публики большинство—мадьяры, немного нѣмцевъ и достаточно евреевъ.

На противоположномъ берегу озера, почти vis-a-vis Балатонъ-Фюреда, расположенъ большой курортъ Шофокъ или, какъ мадьяры его называютъ, «Жидофокъ», такъ какъ лѣтомъ тамъ обитаетъ большое количество евреевъ изъ Будапешта. Есть еще нѣсколько курортовъ на берегу Балатона, но Шофокъ и Балатонъ-Фюредъ считаются здѣсь первоклассными.

Въ паркѣ играетъ военный оркестръ и курортная публика высыпала изъ отелей, дачъ и пансіоновъ прогуляться по аллеямъ парка или посидѣть на скамеечкахъ, поглазѣть на гуляющую толпу и, какъ это вездѣ бываетъ, позлословить, покритиковать публику и разобрать всѣ случившіяся за день новости.

Среди гуляющихъ поразительно много дамъ. Онѣ составляютъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ всей публики. И надо при этомъ замѣтить, что весьма немногія изъ нихъ производятъ впечатлѣніе больныхъ. Въ заливчатски-необъятныхъ шляпахъ, съ замѣтными слѣдами косметики на лицѣ, съ перетянутыми до крайнихъ предѣловъ таліями—эти, стрѣляющія глазами направо и налево, дамы, какъ видно, пріѣхали сюда совсѣмъ не лечиться.

Вообще венгерскія дамы, какъ мнѣ приходилось наблюдать, не могутъ похвастаться особой домовитостью или заботливостью о воспитаніи дѣтей. Во многихъ, даже зажиточныхъ, домахъ обѣдъ, наприѣръ, не готовится дома, а берется изъ особыхъ, многочисленныхъ здѣсь, кулинарныхъ заведеній. Хозяйки дома не любятъ здѣсь себя утруждать наблюденіемъ за кухней.

Точно также венгерскія дамы очень мало утруждаютъ себя заботами и наблюденіемъ за дѣтьми. Я почти никогда не видѣлъ, чтобы матери семействъ въ часы досуга были со своими ребятишками гдѣ-либо на прогулкѣ. Всецѣло на грубыхъ и невѣжественныхъ нянекъ бросаютъ своихъ чадъ здѣшнія матроны, нисколько не заботясь о томъ, какъ себя ведутъ эти няньки, чѣмъ онѣ занимаются внѣ дома, съ кѣмъ ведутъ знакомства.

Отбросивъ отъ себя заботы о воспитаніи дѣтей и о наблюденіи за домомъ, нѣкоторыя почтенныя и полнолѣтныя матроны, напяливъ на себя узкій спортъ-костюмъ съ коротенькой, какъ у шестнадцати-лѣтней барышни юбкой, скачутъ на подобіе горныхъ козъ, играя въ лаунъ-теннисъ съ молодыми людьми. Или, принарядившись, отправляются на «корсо», на музыку или въ кафе со спеціальной цѣлью «себя показать и людей посмотреть».

Для венгерскихъ дамъ личное удовольствіе это—самое главное въ жизни. Семья же, серьезные вопросы жизни, чтеніе—все это стоитъ у нихъ на послѣднемъ мѣстѣ. Есть, конечно, исключенія, но они очень и очень рѣдки...

Время приближается къ вечернему ужину. Утомленная шатаніемъ взадъ и впередъ публика шумно занимаетъ столики въ саду и на верандѣ ресторана. Дѣйствительно болящіе укрываются въ крытомъ залѣ, боясь вечерней сырости.

Покинувъ Балатонъ-Фюредъ, я снова сидѣлъ въ вагонѣ. Еще свѣтло. Лучи заходящаго солнца окрасили воды Балатона въ перламутрово-багровый цвѣтъ. Дальнія горы покрылись дымкой вечерняго тумана, въ которой еле-еле виднѣются силуэты селеній и разбросанныхъ виллъ. Около берега суетятся какіе-то ребятишки... Солнце садится все ниже и ниже. Почти все озеро приняло теперь темно-багровый оттѣнокъ и только у береговъ воды его покрыты молочно-бѣлымъ налетомъ.

Поѣздъ мчится теперъ по высокому сѣверо-восточному берегу Балатона. Съ берега этого открывается прелестный видъ на озеро и окружающія его горы. Пролетѣвъ короткій тоннель, поѣздъ по-

мчался среди холмистой равнины, удаляясь отъ озера. На одномъ изъ поворотовъ послѣдній разъ мелькнула багрово-красная полоса водъ Балатона и затѣмъ скрылась.

Х. Загребъ. Бродъ.

...Поздно вечеромъ я пересѣлъ на станціи Адонь-Пустасаболчъ въ поѣздъ, идущій на Загребъ, и дремалъ до разсвѣта. Рано утромъ мы переѣхали черезъ рѣку Драву и теперь нашъ путь пролегалъ по живописнымъ и цвѣтущимъ мѣстамъ Хорватіи.

Странная вещь! Мадьярскіе кондукторы вмѣсто традиціоннаго «Ала солгайя!»—что значить, въ переводѣ на русскій языкъ, «слуга преданный» или «слуга покорный»—здѣсь къ пассажирамъ стали обращаться по-хорватски: «молимъ картиѣ!» (позвольте билеты). Эти мадьяры-кондукторы, признающіе только мадьярскій языкъ, по-нѣмецки говорящіе «изъ снисхожденія» къ непонимающему ихъ рѣчи пассажиру и ненавидящіе славянскія нарѣчія, и вдругъ тутъ—заговорили по-хорватски!...

Изъ разговора съ хорватами-попутчиками я выяснилъ, что здѣсь кондукторамъ-мадьярамъ *volens-polens* приходится говорить по-хорватски, потому что хорваты, несмотря на свое «подчиненіе» Венгріи, мадьярскаго языка совершенно не признаютъ и не желаютъ его вовсе слышать.

Но вотъ подъѣзжаемъ къ Заграбу, какъ зовутъ его мадьяры. Хорваты его называютъ Загребъ, а нѣмцы—Аграмъ.

Красивый городъ этотъ Загребъ! Лишь только я вышелъ изъ вокзала, какъ сразу попалъ на шикарную площадь Франца-Иосифа. Великолѣпный скверъ съ цвѣтниками разбитъ посреди площади. Въ глубинѣ сквера виднѣтся красивое стильное зданіе художественной галлерей. По обѣ стороны сквера пролегаютъ прекрасно замощенныя улицы, окаймленныя рядами стильныхъ домовъ. Продолженіе этой площади составляютъ Академическая и Принская улицы—изящные бульвары-парки съ тѣнистыми аллеями, большими цвѣтниками, памятниками, фонтанами и кіосками. Среди этихъ бульваровъ возвышаются старое зданіе химической лабораторіи, украшенное на фронтонѣ бюстами всѣхъ выдающихся химиковъ, и прекрасное зданіе хорватской академіи наукъ.

Затѣмъ я вышелъ на большую площадь «Елачичевъ-торгъ»,

окаймленную высокими домами стариннаго стиля. Посреди этой площади возвышается конная статуя бана Елачича—непримиримаго врага мадьяръ.

Отъ «Елачичева-торга» на западъ тянется такъ называемая «Илица», излюбленная улица мѣстныхъ жителей, всегда оживленная, богатая разнообразными магазинами и всевозможными торговыми галереями.

Къ сѣверу отъ «Илицы» и площади Елачича раскинулась горная часть Загреба. Въ этой части возвышается красивый соборъ, окруженный старинными стѣнами съ башнями. Здѣсь прежде была укрѣпленная резиденція Загребскаго епископа.

Горная часть Загреба, какъ видно, заселена мелкими обывателями. Здѣсь попадаются, большей частью, простые и небольшіе домики, но такіе чистенькіе, уютные и привѣтливые, что пріятно на нихъ смотрѣть. На улицахъ вездѣ чистота; въ воздухѣ нѣтъ присущихъ большимъ городамъ вони, гари и копоти.

Выйдя на тѣсно-застроенную площадь Марка, я обратилъ вниманіе на красивое и обширное зданіе Хорватскаго парламента и на довольно старенькій и невзрачный дворецъ бана (генераль-губернатора). Дворецъ бана со всѣхъ сторонъ охраняется полицменами и «детективами». Хорваты не особенно симпатизируютъ этому представителю мадьярскаго правительства, а посему особа его и оберегается такъ тщательно.

Покрутивъ немного по переулкамъ этого административнаго центра Хорватіи, я вышелъ по «Господской» улицѣ на аллею «Штроссмайера», названную такъ въ честь великаго хорватскаго патріота и славянофила. Небольшая, но густо усаженная развѣсистыми деревьями аллея тянется по краю обрыва, съ котораго открывается чудный видъ почти на весь нижній Загребъ.

Я цѣлый день ходилъ по улицамъ Загреба, заглядывая во всевозможные закоулки, и весьма былъ удовлетворенъ тѣмъ, что этотъ славянскій городъ по чистотѣ, красотѣ и благоустройству можетъ смѣло поспорить не только съ мадьярскими городами, но и съ любымъ нѣмецкимъ.

Загребъ, какъ рассказывали мнѣ, до 1880 года былъ довольно заурыднымъ городомъ. Въ 1880 году его изрядно потрепало землетрясеніе. И вотъ, точно памятуя русскую пословицу—«не бывать бы счастью, да несчастье помогло», хорваты принялись, послѣ землетрясенія, за отстраиваніе своей столицы и, надо отдать имъ полную справедливость, выполнили это дѣло мастерски. Уже не говоря

о красотѣ и стильности такихъ зданій, какъ театръ, учебныя заведенія и т. п., даже многіе частныя дома, построенные недавно, не стыдно было бы поставить въ любую изъ столицъ.

Вообще Загребъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Дунайской монархіи, какъ по красотѣ, благоустройству, чистотѣ и оживленію, такъ и по окружающимъ его окрестностямъ.

Столица Хорватіи можетъ похвастаться также и своей чисто-національной фізіономіей. Вездѣ слышна хорватская рѣчь; всѣ вывѣски и надписи—хорватскія; крестьяне и крестьянки щеголяютъ національными костюмами.

Съ моимъ знаніемъ мадыарскаго языка я былъ принужденъ здѣсь, вульгарно выражаясь, «сѣсть въ калошу». Еще на вокзалѣ можно было поговорить по-мадыарски. Но едва я въ первомъ кафе щегольнулъ мадыарской фразой, какъ кельнеры скорчили удивленно-недовольныя фізіономіи, а сидящіе поблизости посѣтителы кафе съ явнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ отвернулись отъ меня. Пришлось перейти на нѣмецкій языкъ, къ которому здѣсь относятся снисходительно.

«Мѡлимъ ѣдну чашу пива», несется со всѣхъ сторонъ и кельнеры еле-еле успѣваютъ подавать. День стоитъ довольно жаркій, а потому на холодное пиво большое требованіе. Красивые и рослые хорваты дѣловито толкуютъ... о политикѣ. Это—главнѣйшая тема разговоровъ. Общественные вопросы, искусство, литература, личныя дѣла все это—на второмъ планѣ. Но національной стойкости хорватовъ, ихъ стремленіямъ къ самобытности, ихъ упорному противодѣйствию нѣмецкимъ и особенно мадыарскимъ посягательствамъ—надо отдать должную справедливость.

Пробовалъ я говорить съ хорватами по-русски—ничего не понимаютъ. Я довольно быстро разбиралъ общій смыслъ хорватскихъ фразъ и предполагалъ, что хорваты, въ свою очередь, легко поймутъ русскую рѣчь. Но русской рѣчи абсолютно не поняли, такъ что пришлось перейти на нѣмецкій языкъ.

Покинувъ привѣтливый и родственныи намъ Загребъ, я отправился на востокъ, снова на венгерскія равнины.

Почти вплоть до станціи Бродъ путь пролегалъ по долинѣ рѣки Савы. То справа, то слѣва виднѣются красивые холмы, покрытые лѣсомъ, большія селенія, сады, пашни, огороды, виноградники. Нѣмецкой и мадыарской рѣчи почти не слышно. Подавляющее большинство пассажировъ говоритъ по хорватски. Среди пассажи-

ровъ—много сербовъ, ѣдущихъ въ Бѣлградъ. Нашъ поѣздъ идетъ безъ пересадки изъ Загреба въ Бѣлградъ. Несмотря на то, что поѣздъ этотъ «скорый», ѣдетъ онъ довольно тихо. Вагоны изъ рукъ вонъ плохи. Сейчасъ видно, что «венгерскія» дороги сплывили въ ненавистную имъ Хорватію свое старое. Проводить ночь въ такомъ вагонѣ очень непріятно. Въ головѣ моей мелькнула мысль: «а не остановиться ли мнѣ на ночь въ Бродѣ?» Мысль эта крѣпнетъ и переходитъ въ концѣ концовъ въ непреложное рѣшеніе. Чѣмъ маяться ночью въ скверномъ и неудобномъ вагонѣ, лучше отдохну въ Бродѣ, а на слѣдующее утро продолжу свое путешествіе.

Подкатили къ Броду. У вокзала стоятъ три омнибуса, и трое толстыхъ портье усиленно выкрикиваютъ «Rotes Haus!... Gelbes Haus!... bitte!... schöne Hótel!» Первый разъ въ жизни слышу такія названія отелей! Смотрю и сравниваю омнибусы и фигуры портье по вѣшнему виду. Экипажъ и представитель «Желтаго дома» кажутся мнѣ какъ будто бы солиднѣе сравнительно съ другими. Эхъ! была не была: рѣшаю ѣхать въ «Желтый домъ».

Получивъ довольно приличную комнату за 5 кронъ, я, пользуясь еще свѣтлымъ временемъ, рѣшаю обзрѣть Бродъ.

Маленькій городокъ на берегу рѣки Савы, Бродъ когда то былъ крѣпостью, запиравшей южную границу у переправы черезъ Саву. Теперь крѣпость упразднена, а крѣпостныя постройки обращены въ казармы и склады. Тѣнистый паркъ окружаетъ заросшіе кустарникомъ валы и рвы.

Жители Брода говорятъ больше по хорватски и по нѣмецки, чѣмъ по мадьярски.

Длинный желѣзнодорожный мостъ перекинутъ на правый берегъ Савы—въ Боснію, эту славянскую землю, отхваченную австріяками.

Въ Бродѣ имѣется 5-6 улицъ; кинематографъ; качели съ шарманкой и нѣсколько простыхъ кафановъ (кафе), изъ которыхъ одинъ называется «Старый Портъ-Артуръ».

Мѣстная аристократія—офицеры—явилась ужинать въ ресторанъ «Желтаго дома». Вечеръ теплый. Столики стоятъ прямо на улицѣ около дома. Внутри ресторана играетъ очень недурной оркестръ мандолинистовъ. Ресторанъ весьма недорогой и кушанья недурны. Только и здѣсь паприки не жалѣютъ: острый соусъ такъ и обжигаетъ ротъ...

Въ половинѣ пятаго утра я былъ разбужень и, наскоро собравшись, катилъ въ омнибусъ на вокзалъ.

Опять я въ вагонѣ. Снова замелькали холмы, поросшіе лѣсомъ, цвѣтушія селенія, богатая пашни. Хорваты, какъ видно, хорошіе земледѣльцы. Каждый клочокъ земли у нихъ тщательно воздѣланъ. Сами крестьяне производятъ очень хорошее впечатлѣніе своимъ опрятнымъ видомъ и зажиточностью.

С. Плехановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

